

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИЙ ПРАВА» И «ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ПРАВА»

Статья призвана обратить внимание научного сообщества на тот факт, что вопрос о сущности реализации функций права и ее основных форм в настоящий момент разработан явно недостаточно. Автор подчеркивает, что категории «реализация права» и «реализация функций права» не являются совпадающими. Формулируется вывод, согласно которому категория «форма реализации функций права» выступает характеристикой практического осуществления функций права, поэтому должна соответствовать исключительно объективным критериям, в силу чего в качестве такой формы должны быть утверждены правовые отношения.

Ключевые слова: право, функция, реализация, форма реализации, правоотношения, правовое сознание, воздействие.

Функции права как основные направления правового воздействия на общественную жизнь непременно должны быть реализованы. Отсутствие реализации функций права будет означать, что право не действует, не оказывает влияния, а значит, не имеет никакой социальной ценности. При этом нельзя не указать на то, что хотя категория «реализация права» в отечественной юридической науке проанализирована весьма подробно, основные аспекты реализации функций права практически не исследовались. Как справедливо отмечает А.И. Абрамов, на сегодняшний день, несмотря на то, что термин «реализация функций права» довольно широко употребляется в юридической литературе, данное понятие в науке разработано недостаточно [1. С. 179].

В указанной сфере существует не мало неразрешенных вопросов. Один из них заключается в следующем: совпадает ли содержание категорий «реализация права» и «реализация функций права»? Здесь мы считаем возможным поддержать наиболее распространенную позицию, согласно которой понятия «реализация права» и «реализация функций права», «бесспорно, имеют немало общего, однако они не идентичны во всех отношениях» [Там же].

Что же представляют собой категории «реализация права» и «реализация функций права»?

Теория права, несмотря на наличие ряда альтернативных позиций, достаточно давно определила основополагающий подход к определению понятия «реализация права», в соответствие с которым она представляет собой «процесс воплощения юридических предписаний в правомерных действиях граждан, органов, организаций, учреждений, должностных лиц и всех иных участников общественных отношений» и охватывает четыре особые формы: соблюдение, исполнение, использование и применение [2. С. 334–336].

Наиболее точно сущность понятия «реализация функций права», на наш взгляд, раскрывает Т.Н. Радько. Он определяет реализацию функций права как достижение целей функций права, претворение их в жизнь, характеризующие выполнение правом своей социальной роли [3. С. 93].

Аксиоматичность отмеченного суждения очевидна хотя бы потому, что термин «реализация» имеет достаточно четкое и понятное общеупотребительное значение, которое, в отличие от многих случаев, вполне укладывается в «русло» его семантики.

Термин «реализация» имеет латинское происхождение (от *realis* – вещественный) и в буквальном смысле означает овеществление чего-либо. В соответствии с «Толковым словарем русского языка» С.И. Ожегова данное понятие синонимично терминам «осуществление», «исполнение». В то же время глагол «осуществить» трактуется как «привести в исполнение, воплотить в действительность» [4]. Исходя из указанного, «осуществление» можно понимать как перевод (или переход) из сферы абстрактного, идеального в сферу сущего, конкретного, реального [1. С. 179].

Таким образом, применительно к функциям права реализация означает практику их воплощения в общественной жизни.

При этом поскольку реализация права подразумевает ее особые формы в виде соблюдения, исполнения, использования и применения, то и реализация функций права также не возможна вне ее конкретных форм. На наш взгляд, анализ понятия «форма реализации функций права» требует обращения не только к семантическому значению термина «реализация», но и не в меньшей степени к значению термина «форма».

Форма как таковая представляет собой способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его выражением; внешнее очертание, наружный вид предмета [4. С. 699]. Исходя из этого «форма реализации» есть не что иное, как внешний вид, внешнее проявление приведения в исполнение. Данное обстоятельство представляется очень важным в связи с ходом дальнейших рассуждений по поводу форм реализации функций российского права.

Поскольку понятие «реализация функций права» не часто становилось предметом научных исследований, вполне логично, что данное обстоятельство всецело относится и к формам реализации функций права.

Сказанное, однако, не означает полного отсутствия монографических работ, посвященных данному вопросу. Формы реализации функций права в целом или отдельных направлений правового воздействия исследовались Т.Н. Радько, А.И. Абрамовым, И.А. Курцевым, А.В. Константиновой и др. При этом анализ существующих научных трудов в данной области позволил нам условно разделить исследователей категории «реализация функций права» и основных форм такой реализации на две группы.

Так, первая группа исследователей придерживается мнения о наличии трех взаимосвязанных форм реа-

лизации функций права, которые, несмотря на некоторые различия в терминологии, подчас используемой авторами, по нашему мнению, совпадают. К данной группе условно могут быть причислены Т.Н. Радько и А.В. Константинова.

Т.Н. Радько отмечает, что поскольку правовое воздействие осуществляется в трех формах: информационной, ориентационной и форме правового регулирования, то в соответствии с этими формами необходимо выделять три формы реализации функций права: информационную, ориентационную, правовое регулирование.

Информационная форма состоит в том, чтобы сообщить адресатам требования государства, относящиеся к поведению людей, иначе говоря, довести до их сведения, какие имеются в обществе, одобряются или допускаются государством возможности, средства и методы достижения общественно полезных целей и какие из них противоречат интересам общества, государства и граждан. Источники, из которых граждане получают информацию о содержании норм права, могут быть самыми разными: официальные, средства массовой информации, юрисконсульты, адвокаты, другие лица юридической профессии, руководители различных уровней, друзья, знакомые, родственники, популярная юридическая литература и др.

По мнению Т.Н. Радько, следующей, не менее значимой формой реализации функций права является ориентационное воздействие. Ориентационная форма реализации функций права проявляется в том, что важны не только знания норм права, но и выработка у граждан позитивных правовых установок, которые образуют правовую ориентацию. Ориентационное правовое воздействие складывается из совокупности правовых установок и представляет собой двуединый процесс: формирование установок, с одной стороны, и их влияние на правовое поведение граждан – с другой.

Правовые установки подразделяют на позитивные (побуждающие к правомерному поведению, в том числе к правовой активности) и негативные (побуждающие к противоправному поведению). Установки, побуждающие к правомерному поведению, в совокупности образуют позитивную правовую ориентацию, а установки, побуждающие к противоправному поведению, – негативную правовую ориентацию. Задачей ориентационного воздействия права является формирование позитивных правовых ориентиров [5. С. 280–281].

Не ставя под сомнение необходимость и важность социально-ориентационного воздействия права, мы вместе с тем считаем нужным заметить, что вряд ли негативные установки, побуждающие к противоправному поведению, создающие негативную правовую ориентацию, логически верно именовать правовыми.

Безусловно, в некоторых случаях некачественные законы, неоправданные решения властных органов и т.п. могут сформировать у субъектов недоверие и даже негативное отношение к праву. Однако думается, что такая ситуация не может быть признана нормой, она противоречит сущности и социальному

назначению права, в связи с чем средства, способные создать негативную правовую ориентацию, скорее должны именоваться противоправными, нежели чем правовыми.

Несмотря на значимость информационной и ориентационной форм реализации функций права, Т.Н. Радько полагает, что поскольку центральное место в системе правового воздействия занимает правовое регулирование, то и реализация функций права в рамках этой формы имеет особое значение и состоит из выяснения следующих принципиальных положений: условий эффективности регулирования; процесса правового регулирования; социальных результатов регулирования [5. С. 281].

Другой представитель отмеченного направления – А.В. Константинова, предлагает выделять такие формы реализации функций права, как информационная, воспитательная и коммуникативная. По ее мнению, данные формы «соответствуют основным этапам процесса реализации функций права, характеризуя глубину (степень) и интенсивность воздействия права на индивида» [6. С. 9].

Как мы видим, первая форма реализации функций права, предлагаемая данным автором, идентична и терминологически, и по содержанию выделенной впервые Т.Н. Радько. Однако А.В. Константинова не ограничивается перечислением основных форм реализации функций права и их описанием. В рамках каждой из форм ею были выделены также стадии их реализации. В отношении механизма информационного воздействия права на личность это: а) восприятие правовой информации получателем; б) переработка полученных сведений (т.е. их осознание и понимание); в) усвоение правовых сведений через запоминание и приятие.

По мнению А.В. Константиновой, второй формой реализации функций права выступает воспитательная форма, которая, как мы полагаем, по своему содержанию также совпадает со второй (ориентационной) формой реализации функций права, предлагаемой Т.Н. Радько. Это связано с тем, что, по мнению А.В. Константиновой, воспитательная форма реализации функций права характеризует такой способ воздействия, который заключается во внедрении в сознание человека суммы правовых знаний, установок, убеждений, ценностных представлений, способствующих выработке мотивации поведения. Его целью является формирование ценностного восприятия права, уважительного отношения к правовым предписаниям, выраженного в осознании их незыблемости и необходимости соблюдения.

Механизм же воспитательного воздействия права на личность включает в себя следующие стадии: а) накопление знаний; б) превращение знаний в личные убеждения воспитуемых (осознанное понимание значимости права, его справедливости, которое, соединяясь с интересами и потребностями, способствует возникновению мотивов поведения, приводящих в действие внутренние установки личности); в) формирование правовой активности и выработка привычки поступать в соответствии с убеждениями.

А.В. Константинова выделяет еще одну – коммуникативную форму осуществления функций права, которая характеризует способность права быть средством общения, взаимодействия, связи между членами общества. Ценность права как коммуникативного средства, на ее взгляд, состоит в его направленности на формирование правовых отношений, предполагающих наличие взаимных сбалансированных прав и обязанностей их участников. Стадиями коммуникативного воздействия права выступают:

а) правовая регламентация общественных отношений, возникновение общерегулятивных (базисных) правоотношений;

б) формирование конкретных (ролевых) правоотношений, представляющих собой индивидуализированную взаимосвязь субъектов;

в) практическое поведение индивидов, состоящее в реализации своих прав и обязанностей [6. С. 9–10].

В данном случае, несмотря на обращение повышенного внимания на коммуникативный аспект действия права, речь, на наш взгляд, идет прежде всего о налаживании коммуникации особого вида, связанной с возникновением конкретных правоотношений, наделением их субъектов правами и юридическими обязанностями (правовом регулировании). Соответственно, сторонники трехэлементной структуры форм реализации функций права, по сути, ведут речь об одном и том же:

1) о доведении юридической информации об образцах допустимого и желательного поведения до субъектов правоотношений;

2) формировании у данных субъектов на основе полученной информации определенных мотивов, ценностей, установок правомерного поведения;

3) практической реализации приобретенных ценностных установок, связанных с правом, в конкретных правоотношениях.

Ко второй группе исследователей форм реализации функций права могут быть причислены А.И. Абрамов и И.А. Курцев. Подход к анализу вопроса, который имеет место в трудах данных авторов, существенно отличается от общепринятого (если под ним понимать научную позицию Т.Н. Радько).

В рамках этого подхода у функций права признается не три, а только две формы реализации, причем дело конечно не столько в количественном, сколько в содержательном отличии данного подхода от рассматриваемого ранее.

Признавая необходимость информационного и ориентационного воздействия права и его функций на сознание индивидов, с учетом внутри психологической направленности двух данных форм А.И. Абрамов [7. С. 89–129] и И.А. Курцев [8. С. 9, 18] полагают, что оба этих аспекта родственны друг другу и органически включены в единую форму реализации функций права, которая именуется субъективной и выражена прежде всего в правосознании.

Вполне логично, что субъективной форме корреспондирует форма объективная, которая, по мнению указанных выше авторов, выражена в правоотношениях.

В данном контексте правоотношения представляют собой целый комплекс различных связей: с одной стороны, это связи, характеризующие единство нормы права и урегулированного ею общественного отношения; с другой – это связи, характеризующие внутреннюю структуру правоотношения, а именно права и обязанности его участников. Благодаря наличию этих разноплановых связей, правовые предписания и, следовательно, функции права имеют возможность воплотиться в реальной жизни, в реальных общественных отношениях [7. С. 196].

Прежде чем аргументировать авторскую позицию по поводу количества и содержания основных форм реализации функций права, считаем необходимым остановиться на ряде проблемных аспектов, связанных с некоторым наложением классификации функций права и рассматриваемых в специализированной литературе форм их реализации.

Несложно заметить, что в некоторых случаях исследователи ведут речь о наличии воспитательной функции права [9. С. 175; 10], в других – о соответствующей форме реализации всех без исключения функций права.

Например, А.В. Константинова отмечает, что в случае выделения у права воспитательной функции ее отнесение к группе социальных (экономическая, политическая и пр.) является неправильным, поскольку нарушается единство классификационного критерия разделения функций права в зависимости от сферы регулируемых отношений. В связи с этим воспитательное воздействие, свойственное всем без исключения функциям права, выступает не функцией права, а составляет особую форму (способ) их реализации [6. С. 15].

Сходной позиции придерживаются и другие авторы, специально занимающиеся исследованием форм реализации функций права. Так, А.И. Абрамов отмечает, что в некоторых случаях в числе социальных функций права называют также воспитательную функцию. Сам ученый с этим категорически не согласен. По его мнению, это обусловлено тем, что объект воздействия воспитательной функции права составляют сознание и воля людей, что качественно отличает ее от любых других функций, объектом воздействия которых выступают общественные отношения [7. С. 8].

Не вдаваясь в глубокую полемику по данному вопросу, все же кратко остановимся на аргументах, которые, по нашему мнению, подтверждают ошибочность выводов о невозможности отнесения воспитательной функции к числу общесоциальных функций российского права.

Относительно позиции А.В. Константиновой хотим пояснить, что доводы автора, касающиеся неправильности выделения воспитательной функции вследствие нарушения единства классификационного критерия разделения функций права в зависимости от сферы регулируемых отношений, правильные. Проблема заключается только в том, что если за основу классификации функций права принять другой критерий, в частности цели и задачи, стоящие перед пра-

вом, то и воспитательная функция права вполне может быть соотнесена с другими общесоциальными функциями. Кроме того, нельзя не заметить, что любая, в том числе и научная, классификация весьма условна.

Так, например, осуществляя воспитательное воздействие, право некоторым образом влияет на другие сферы (помогает выстроить экономические отношения, грамотно и эффективно пользоваться избирательными правами и т.д.). В то же время, реализуя экономическую и политическую функцию, право в некотором роде «воспитывает» граждан и направляет общественные объединения в русло правомерного поведения. Соответственно, то, что «воспитательное воздействие свойственно всем без исключения функциям права» [6. С. 15], не подразумевает отрицания наличия воспитательной функции.

Как несложно заметить, А.И. Абрамов, также включающий воспитательную функцию из системы общесоциальных функций права, аргументирует эту позицию иначе. По его мнению, воспитательная функция не может быть отнесена к данному разряду не потому, что она не подпадает под один критерий классификации с общесоциальными функциями, а потому, что объект ее воздействия составляют сознание и воля людей, в то время как объектом прочих социальных функций являются общественные отношения. Однако сознание не может считаться монопольным объектом воспитательной функции права, едва ли объектом воздействия прочих функций права выступает что-то другое. Необходимо помнить о том, что предписания правовых норм так или иначе реализуются именно в поведении лиц и, конечно, в осознанном их поведении.

Прочие функции права, для того чтобы реализоваться в практике общественной жизни, никак не смогут миновать сознание людей, а значит, и утверждение о несовпадении объектов воспитательной функции права и других общесоциальных функций также нельзя признать правильным.

Выразив свое мнение по поводу возможности отнесения воспитательной функции к числу общесоциальных функций российского права, мы можем перейти непосредственно к рассуждениям относительно существующих форм реализации функций права. Мы не случайно подчеркивали тот факт, что, отталкиваясь от семантического значения, «форма реализации» есть не что иное, как внешнее проявление приведения в исполнение. Отсюда, на наш взгляд, не вполне состоятельны доводы как о трехэлементной структуре формы реализации функций права, в рамках которой принято выделять информационную, воспитательную и регулятивную (коммуникативную) форму, так и о двухэлементной структуре, включающей субъективную (правосознание) и объективную форму реализации функций права (правоотношения).

Форма реализации функций права, выступая характеристикой функций права во вне, выражающейся в эффективности и результативности правового воздействия, должна соответствовать исключительно объективным критериям. В противном случае весьма

сложно будет оценить эффективность правового воздействия в целом и каждой функции права в отдельности.

Таким образом, признавая в качестве формы реализации функций права правосознание, а тем более информированность или ценностные установки личности, мы тем самым утрачиваем возможность объективной оценки «качества работы» права. Сказанное не означает, что под воздействием права не происходит никаких изменений в сознании личности, ее ценностных установках, образовательном уровне и т.д., однако все эти изменения проявятся не ранее, чем личность, сознание которой подверглось воздействию со стороны права, вступит в те или иные правоотношения. Исходя из этого, мы предлагаем единственно возможной объективной формой реализации функций права считать правовые отношения, выражающиеся в реализации субъективных прав и юридических обязанностей их субъектов.

Поскольку правоотношения являются одной из форм реализации права, а без реализации права невозможна реализация его функций (так как сами функции определяются сущностью и социальным назначением права и являются производными от него, реализация функций права обусловлена реализацией правовых норм), то совершенно очевидно, что правоотношения являются той сферой (формой), в которой также происходит реализация функций права [1. С. 185].

Тесная взаимосвязь между категориями «функции права» и «правоотношения» проявляется и в других аспектах. В частности, право традиционно наделяется двумя главными собственно-юридическими функциями – регулятивной и охранительной, именно они в наибольшей степени отражают социальное назначение права, цели и задачи, стоящие перед ним. Правоотношения как форма реализации функций права вовне вполне удовлетворяют и этому критерию, так как в соответствии с их функциональной направленностью могут подразделяться на регулятивные и охранительные.

То, что формы реализации функций права должны находиться в сугубо практической плоскости, по нашему мнению, косвенно подтверждается еще и тем, что формы реализации других государственно-правовых явлений также объективны и напрямую не связаны с особенностями правосознания личности или общества.

Так, уже упоминаемые нами формы реализации права состоят в соблюдении, исполнении, использовании и применении, качество которых, безусловно, зависит от уровня правосознания и правовой культуры граждан, но измеряется исключительно характером деяний (действий или бездействий) субъектов общественных отношений.

Сказанное актуально и при анализе форм реализации функций государства, которые, несмотря на значительное число возможных критериев их классификации, также тесно связаны с конкретными сферами и направлениями деятельности государственных органов. «Хотя право и обладает определенной степенью саморегуляции, оно в то же время не достигает и не

может достичь такого обособления, чтобы регулировать все свои процессы самостоятельно. Отсюда можно сделать вывод, что функции права имеют механизм реализации вовне. Он состоит из всех субъектов права (граждан, должностных лиц, общественных объединений, государственных органов и т.д.)» [5. С. 280].

Подводя итог исследованию категории «реализация функций права» и форм такой реализации, необходимо еще раз подчеркнуть, что право имеет социальную ценность только тогда, когда оно оказывает реальное, а не номинальное воздействие на состояние общественных отношений, повышает качество общественной жизни. При этом именно качество реализации функций права как динамической составляющей правовой сущности имеет ключевое

значение при определении степени эффективности современного права.

Выводы, к которым мы пришли относительно сущности реализации функций права и ее основных форм, безусловно, нуждаются в дальнейшем обсуждении и отражают лишь личную позицию автора по указанному проблемным вопросам.

Вместе с тем очевидным является тот факт, что реализация функций права и ее формы исследованы на порядок меньше по сравнению со многими другими разделами современной теории права и государства. В то же время с учетом специфики функций права изучение особенностей и форм их реализации представляется на сегодняшний день не просто важным, а необходимым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А.И. Понятие реализации функций права: Соотношение понятий «реализация права» и «реализация функций права» // Правоведение. 2006. № 3. С. 179–189.
2. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. 2-е изд. М., 2006.
3. Радько Т.Н. Методологические вопросы познания функций права. Волгоград, 1974.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1987.
5. Радько Т.Н. Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.
6. Константинова А.В. Формы осуществления функций права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014.
7. Абрамов А.И. Проблемы реализации регулятивной функции права : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.
8. Курцев И.А. Проблемы реализации охранительной функции права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.
9. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005.
10. Швыркин А.А. Воспитательная функция права и роль органов внутренних дел в ее реализации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

Статья представлена научной редакцией «Право» 10 октября 2016 г.

THE ESSENCE AND MEANING OF THE CATEGORIES “LAW FUNCTION IMPLEMENTATION” AND “FORMS OF LAW FUNCTION IMPLEMENTATION”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 187–192.

DOI: 10.17223/15617793/413/29

Natalya A. Makarova, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Samara, Russian Federation). E-mail: makarovaifsin@mail.ru

Keywords: law; function; realization; form of realization; legal relationship; legal conscience; influence.

The article discusses one of the most urgent issues of the modern theory of law and state. The author emphasizes that the term “law function implementation” is widely used in the legal literature, but this term is understudied in science. The analysis of the scientific literature published on the implementation of law and its functions and the semantic analysis of the terminology allows concluding that, with regard to the implementation of the functions of law, it means the practice of their implementation in public life. At the same time, since the implementation of law implies specific forms of its compliance, execution, use and application, the implementation of the functions of law is also not possible outside of its specific forms. Attention is drawn to the fact that there is no consensus in the scientific literature about the forms of implementation of the functions of law. Researchers of the question of forms of law function implementation can be divided into two groups. Representatives of the first group (T.N. Radko, A.V. Konstantinova) have an opinion that there are three interrelated forms of law function implementation. These are: 1) bringing legal information on samples of permissible and desirable behavior; 2) formation of specific motives, values, lawful behavior orientations on the basis of the received information; 3) practical implementation of the acquired value orientations connected with law in a specific legal relationship. The second group (A.I. Abramov, I.A. Kurtsev) identify two forms of law function implementation: subjective (legal conscience) and objective (legal relationship). According to the author of the article, since the form of law function implementation is an external feature of law, which is expressed in the efficiency of the law impact, it must meet objective criteria only. Otherwise, it is difficult to assess the effectiveness of law influence generally and each function separately. The author emphasizes that if to recognize legal conscience, awareness or the value system of the person as a form of law function implementation, we will lose our opportunity to objectively assess the “quality of the work” of law. For this reason the only possible form of law function implementation is legal relationships manifested in the implementation of subjective rights and legal responsibilities of their subjects. These conclusions are confirmed by the logical reference to a number of other aspects of the theory of law and state. For example, attention is drawn to the close relationship between the categories “functions of law” and “legal relationship”, or the fact that the implementation of other forms of the state-law phenomena are also objective and not directly related to the peculiarities of the legal conscience of the individual or society. It is, for example, categories such as “implementation of law”, “implementation of functions of the state” and others.

REFERENCES

1. Abramov, A.I. (2006) Ponyatie realizatsii funktsiy prava: Sootnoshenie ponyatiy “realizatsiya prava” i “realizatsiya funktsiy prava” [The concept of the law function implementation: Value concepts of “law implementation” and “law function implementation”]. *Pravovedenie*. 3. pp. 179–189.

2. Matuzov, N.I. & Mal'ko, A.V. (2006) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. 2nd ed. Moscow: Yurist".
3. Rad'ko, T.N. (1974) *Metodologicheskie voprosy poznaniya funktsiy prava* [Methodological issues of knowledge of law functions]. Volgograd: NIIRIO VSSh MVD SSSR.
4. Ozhegov, S.I. (1987) *Slovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
5. Rad'ko, T.N. (1993) *Obshchaya teoriya prava: kurs lektsiy* [General Theory of Law: lectures]. Novgorod: Izd-vo Nizhegor. VSh MVD RF.
6. Konstantinova, A.V. (2014) *Formy osushchestvleniya funktsiy prava* [The forms of law function implementation]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
7. Abramov, A.I. (2005) *Problemy realizatsii regulativnoy funktsii prava* [Problems of implementation of regulatory function of law]. Law Cand. Diss. N. Novgorod.
8. Kurtsev, I.A. (2008) *Problemy realizatsii okhranitel'noy funktsii prava* [Problems of implementation of protective function of law]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
9. Baytin, M.I. (2005) *Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov)* [The essence of law (Modern normative legal thinking at the turn of the century)]. Moscow: Pravo i gosudarstvo.
10. Shvyrkin, A.A. (2002) *Vospitatel'naya funktsiya prava i rol' organov vnutrennikh del v ee realizatsii* [The educational function of law and the role of law-enforcement bodies in its implementation]. Law Cand. Diss. Moscow.

Received: 10 October 2016